

к.и.н. АТЫГАЕВ Н.А., к.и.н. ДЖАНДОСОВА З.А.
(Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова)

ПОХОД АБУ-Л-ХАЙРА, СЫНА КАСИМ-ХАНА, ПРОТИВ СЕФЕВИДОВ

(по данным 'Алам-ар̄-йи Шāх Исмā'йл)

Согласно 'Алам-ар̄-йи Шāх Исмā'йл, Абу-л-Хайр-хан в сопровождении Шибанида Джāнūбек-султана, приехавшего в ставку Кāсим-хана с просьбой о помощи Шибанидам, против которых выступила в то время со стороны Хорасана иранская (сефевидская, она же кызылбашская) армия во главе с правителем Ирана шахом Исмā'илом, по приказу своего отца Кāсим-хана направился из Казахской степи (Дашт-и Кипчāк) на юг, в сторону Мāварā'-н-нахра. Под командованием Абу-л-Хайр-хана находилось, как сообщает источник, «сто шестьдесят тысяч воинов». Разумеется, численность казахского войска сильно преувеличена, как это характерно для такого рода исторических сочинений, когда речь в них идет о противниках «своих» полководцев для демонстрации масштабности их собственных побед, однако то, что оно было по тем временам многочисленным, не вызывает сомнения.

Следует сказать, что в тексте казахское войско не называется казахским. Оно называется «узбекским» (*uzbakī*), «степным» (*dashtī*) или «войском степных узбеков» (*sipāh-i uzbekān-i dasht*). Поскольку речь идет о войске, собранном в Степи, во владениях Кāсим-хана (т.е. в Казахском ханстве) и возглавлявшемся сыном казахского хана, то мы считаем себя вправе говорить о нем, как о казахском, а в тех случаях, когда оно выступало в коалиции с войском Шибанидов, – казахско-узбекским.

Когда Абу-л-Хайр-хан со своим войском достиг Ташкента, о его приближении стало известно кызылбашам, к тому времени форсировавшим Амударью. Как было принято в те времена, прежде чем принять решение о том, давать или не давать бой противнику, шах Исмā'йл обратился к своим астрологам с просьбой узнать исход предстоящего противостояния со «степным войском». Звездочеты предрекли иранскому государю победу и последующее бегство врага в сторону Джайхуна (Амударьи). После такого благоприятного предсказания шах Исмā'йл приказал своему войску отступить за Джайхун и там остановиться.

Казахское войско проделало марш от Ташкента до Бухары. В Бухаре Абу-л-Хайр-хан получил известие о том, что шах Исмā'йл, узнав о его приближении, отступил со своим войском за реку, куда-то «в сторону Балха». Абу-л-Хайр-хан двинул свое войско на юг. Во время похода к Абу-л-Хайр-хану присоединились со своим шестидесятитысячным узбекским войском Шибаниды – 'Убайдаллāх-хан ('Убайд-хан), Мухаммад-Тūмур-хан и Джāнūбек-султан. Абу-л-Хайр-хан стал главнокомандующим объединенного казахско-узбекского войска.

Когда это войско вышло к Амударье, Абу-л-Хайр-хану сообщили, что противник в количестве «всего двенадцати тысяч человек» стоит лагерем на том берегу, в семи фарсах¹ от реки. Весть о том, что сефевидская армия на самом деле не ушла к Балху, а готовится дать сражение казахско-узбекскому войску, вызвало легкое замешательство у «узбекских султанов» (так автор источника именуется Шибанидов), которые, очевидно, надеялись, что многочисленное степное войско напугает Сефевида, и тот откажется от мысли о сражении с ними и завоевании Туркестана. Узбекские султаны, которым, в отличие от «степняка» Абу-л-Хайр-хана, уже приходилось терпеть поражение от кызылбашей, вероятно, готовы были смириться с тем, что левый берег Амударьи и тем более весь Хорасан – как ни жаль было терять такие исключительные пастбища – отойдет к иранцам. И чем больше они думали об этом, тем больше «паниковали, мрачнели и беспокоились». Но не таким было настроение Абу-л-Хайр-хана. Уверенный в победе за счет многократного численного превосходства, он по-прежнему стремился к бою и при этом насмешничал над иранским шахом: «Отсутствие страха в сердце – это не отвага и мужество, а безумие! Разве нет? Вы говорите, что у него всего двенадцать тысяч человек, а как могут двенадцать тысяч кызылбашей сражаться с нашим войском в двести двадцать тысяч? Это не храбрость, а сумасшествие!» [1, с. 487].

С помощью оставленных кызылбашами понтонного моста и судов (источник подробно останавливается на том, что понтонный мост не был разобран кызылбашами из «благородных соображений») воины Абу-л-Хайр-хана переправились через Джайхун и разбили лагерь в трех фарсах от кызылбашской армии. Начались приготовления к битве.

Вероятно, не менее суеверный, чем шах Исма'їл, 'Убайдаллāх-хан тоже вызвал к себе накануне сражения гадальщика, по имени Хасан, и спросил об исходе предстоящего сражения. Этот Хасан, посмотрев на баранью лопатку, сказал: «Как хотите, но я скажу правду! Абу-л-Хайр-хану осталось жить три дня, а на четвертый день он погибнет от руки Сына Шайха (*шаха Исма'їла – авт.*). Множество узбекских воинов погибнут, но лично вам удастся бежать. У вас в этом году соединение двух светил в одном знаке Зодиака, и вы благополучно минуете эту полосу несчастий. Скоро вы завладеете всей страной от окраин Китая и Хотана до Кирпичного моста и станете великим государем» [1, с. 488-489]. Подобная вставка в тексте сочинения, безусловно, отражает знание автором дальнейшей истории Средней Азии и будущего многолетнего правления 'Убайдаллāх-хана в Бухаре.

Получив такое предсказание, 'Убайдаллāх-хан, терзаемый, как пишет анонимный автор '*Алам-ārā-йи Шāх Исма'їл*, «и страхом, и надеждой», предложил Абу-л-Хайр-хану и его советнику Бūрум-аталыку отправить парламентаря к Сефевидам. Посовещавшись с Бūрум-аталыком и

---

¹Персидская мера длины равная 5549 м., в другом варианте = 8534,25 м. [2, с. 72, 120].

Шибанидами, казахский хан решил направить посла («илчи») к шаху Исма'йлус «посланием о войне и мире» (то есть, с предложением мира). На это послание Абу-л-Хайр-хана Исма'йл-шах дал следующий ответ: «Если сын хана Туркестана и преемник Чингис-хана (*Абу-л-Хайр-хан – авт.*) кичится ударом своего меча, то мы гордимся силой того, кто сорвал ворота Хайбара, то есть 'Алū – да будет мир с ним! – и того, кто управляет Вселенной Владыки Двух Миров, то есть святейшего эмира правоверных! И поэтому мы нисколько не страшимся этого войска!» Такой ответ был объявлением войны и отказом от заключения мирного договора [1, с. 489].

Далее, как пишет анонимный автор иранского сочинения, произошло следующее: «Когда парламентар вернулся и принес весть (*об объявлении войны – авт.*), Абу-л-Хайр-хан приказал ударить в боевые барабаны. В его армии был сорок один барабанщик и знаменосец. Все они забили в свои барабаны. Тень Бога на земле (*шах Исма'йл – авт.*) тоже изволил приказать, чтобы ударили в большой барабан Шāхībек-хана (*Мухаммада Шайбāнī-хана – авт.*) и в особенные, огромные литавры.

Когда Его Величество, Тень Бога на земле, убил Шāхībек-хана и захватил его мастерские и арсеналы, то среди барабанов и литавр обнаружился огромный барабан из хафтджуша², который был таким большим, что колотить в него нужно было, встав на скамейку, звук его разносился на четыре фарсаха, а среди кызылбашей он был известен как «Большой Барабан Шāхībек-хана» [1, с. 490].

Услышав мощный голос этого гигантского барабана, Абу-л-Хайр-хану дивился и спросил: «Что это за звук?», на что МухаммадТūмур-хан со вздохом ответил: «Это звучит Большой Барабан моего отца Шāхībек-хана. Сейчас он, увы, находится у Сына Шайха (*шаха Исма'йла – авт.*)».

Этот грустный комментарий, однако, привел Абу-л-Хайр-хана в отличное расположение духа, и она размечтался. Как пишет источник, «Абу-л-Хайр-хан воскликнул: «Мне нужно привезти отсюда подарки великому хану (*Кāсим-хану – авт.*)! Так пусть же Большой Барабан станет одним из моих подарков! Как только великий хан захочет созвать степное войско, он прикажет бить в этот Барабан, и воины быстро соберутся на его зов. А другим моим подарком будет победоносная кобылица Сына Шайха! О, она достойна великого хана!».

На следующее утро противники построили боевые ряды. В центре казахского войска находился сам Абу-л-Хайр-хан и его *чархчи*, левым флангом командовал Бūрум-аталык, а правым флангом – Алп-аталык. По просьбе 'Убайдаллāх-хана, его воинам дали место в арьергарде объединенного войска.

Мы видим, таким образом, что источник показывают, что в бою казахи сохраняли традиционное военное построение кочевников, согласно которому войско делилось на два крыла (правое и левое) и центр. Такая военная организация казахов подтверждается также сведениями Махмуда

---

²Хафтджуш – сплав железа, свинца, меди, олова, золота, серебра и сурьмы

ибн Эмира Вали, который пишет, что Тахир-хан в сражении с Шибанидом Султан-Мухаммад-ханом разделил свое войско на три отряда [3, с. 251].

Важным для изучения социально-политической организации казахов в начале XVI в. представляется сообщение источника о приближенных советниках молодого казахского хана и одновременно военачальниках – Бирум-аталыке и Алып-аталыке. Это сообщение говорит о наличии в Казахском ханстве должности *аталыка*. Данным термином обозначались воспитатели тюркских царевичей, «заступающие вместо отца». *Аталык*, отмечает О.Ф. Акимушкин, при малолетних либо неопытных наместниках – наследнике престола или отдельных представителях династии, исполнял попечительскую роль, которая несколько напоминала роль регента в средневековых западноевропейских странах. При совершеннолетнем наследнике *аталык* становился ближайшим советником и доверенным лицом хана. *Аталык*, являясь одним из важнейших лиц в государственной иерархии, концентрировал в руках значительную власть. В период военных действий он являлся также военачальником, что наглядно подтверждается данным источником [4, с. 207]. В дальнейшем в тексте упоминаются и старейшины-аксакалы, что также заслуживает внимания.

Вернемся к повествованию источника.

Кызылбашская армия также выполнила боевое построение и приготовилась к бою. Шах Исма‘йл занял место в центре войска, правым флангом командовал Дурмїш-хан, а левым – Сāрупїра-курчибаши. Отряд лучников возглавлял Дїв-султан.

Желая посмотреть, насколько велико войско противника, шах Исма‘йл в сопровождении Хусайн-бека Лила и еще нескольких приближенных поднялся на вершину холма и увидел, что вражеское войско «растянулось на четыре фарсаха». Это, конечно, было свидетельством большого численного превосходства противника. Далее автор *‘Алам-āрā-йи Шāх Исма‘йл* говорит: «Увидев такое [огромное и грозное] войско, Его Величество, Тень Бога на земле, обратился к Богу с молитвой: «О Господи! Даже силы муравья нет у меня, и все сделанное по сию минуту сделал я лишь могуществом Твоим и силой Твоею! Молю тебя истиной Мухаммада и рода Мухаммада, чтобы Ты даровал победу своему ничтожному рабу и всему кызылбашскому войску!» Опустившись в уединенном месте на молитвенный коврик, он пролил много слез, но когда поднял голову, то, благодаря силе и могуществу Божьему и помощи непорочных имамов, ощутил свое величие и прилив свежих сил, и понял, что впереди его ждут поражение врага и его собственная победа. С радостным сердцем он вернулся [в ряды] и занял место у знамени [с надписью] «Помощь от Аллаха и быстрая победа!»³

В свою очередь, и Абу-л-Хайр-хан решил с холма посмотреть на войско противника. Убедившись, что войско шаха Исмаила насчитывает не более тридцати тысяч человек, он рассмеялся и воскликнул: «Жаль, нет тут ‘Убайд-хана, в то взглянул бы он на эти полки! Неужели кто-то может испугаться

---

³ Коран, 61:13.

этой ничтожной горстки! Да я в одиночку ворвусь в самую гущу этого войска, вырву Сына Шайха из седла и брошу его на землю к древку знамени Чингисхана!» [1, с. 492].

Иранский источник столь подробно описывает подготовку сражения и таким образом расставляет акценты, что читатель заранее догадывается, что окажется победителем, а кто будет наказан за самонадеянность и недооценку противника.

«После этого Абу-л-Хайр-хан вернулся к своему знамени и приказал *чархчи* взять тридцать тысяч человек и вывести их на поле боя. *Чархчи* вышел на поле боя, а против него вышел Див-султан с отрядом [лучников] в шесть тысяч человек, и они ринулись друг на друга». В полном соответствии с логикой рассказа, всеми вышеперечисленными «предсказаниями» и психологическими акцентами, уже в самой первой схватке более малочисленные «кызылбашские воины стали давить узбеков», что вынудило командующего авангардом – *чархчи* – отступить в центр войска.

Дальше – больше. «Когда Бүрум-аталык увидел, что произошло, он повел на поле боя сорок тысяч человек. Навстречу войску Бүрум-аталыку вышел Дурмїш-хан со своими пятью тысячами. В это время Алп-аталык зашел с левого фланга, и против него вышел Сәрупїра-курчибаши. Победоносное кызылбашское и злополучное узбекское войска сразились друг с другом, и на рынке смерти было не протолкнуться».

В описание трагического для «злополучного» казахско-узбекского войска сражения автор иранского источника добавляет мистическую деталь, которая, как и ранее приведенные слова Исма‘їл-шаха о помощи ему со стороны ‘Али и непорочных имамов, переводит рассказ о наказании за самонадеянность в рассказ о противостоянии двух вер и торжестве той из них, сторонником которой является автор, – то есть, шиитской. В уста иранского государя автор неслучайно вкладывает слова о том, что у него самого «нет даже силы муравья», но он надеется на божью помощь и помощь имамов, тогда как его оппонент, степняк Абу-л-Хайр-хан, наследник и «преемник» Чингисхана, надеется только на «силу своего меча», то есть на личную удачу храброго воина, батыра. Таким образом, автор объясняет победу во много раз более малочисленного иранского войска божьей помощью и помощью шиитских имамов, и как бы это делает эту победу доказательством торжества его веры: «Тут подул сильный ветер и поднял тучи пыли, похожие на двенадцать минаретов, и эти тучи пыли опустились на узбекское войско...». Только после того, как небо подает этот мистический знак, шах Исма‘їл лично вступает в сражение, рубит саблей направо и налево и уверенно ведет войско к победе в этом ожесточенном сражении. После того, как от руки Дурмїш-хана погибает Бүрум-аталык, объединенное казахско-узбекское войско, потерявшее убитыми и ранеными чуть ли не половину бойцов и теснимое с левого и правого флангов кызылбашами, оказывается на грани поражения.

В этот момент растерянный и гневный Абу-л-Хайр-хан (напомним, по версии нашего сочинения, он находится в центре) рвется в бой, но

приближенные (*аталыки* и *аксакалы*) удерживают его, ссылаясь на «великого хана» (*Кāсим-хана – авт.*), который, якобы, не простит им, что они погубили его любимого сына: «Абу-л-Хайр-хана охватила паника, и он хотел сам ринуться в бой, но все *аталыки* и *аксакалы* стали говорить ему: «Вы хотите предать нас смерти от руки великого хана? Никто не может помешать счастливой звезде Сына Шайха! Половина наших воинов уже погибла, а кызылбаши уже продвинулись на пол-*фарсаха* и с правого, и с левого крыла!»

Приближенные пытаются увести Абу-л-Хайр-хана с поля боя, то сопротивляется и рвется в бой, аксакалы удерживают его, кызылбаши со стягом с надписью «Помощь от Аллаха!» неудержимо наступают, и, в конце концов, сын *Кāсим-хана* Абу-л-Хайр-хан погибает от удара сабли самого шаха Исма'їла, и его голова оказывается на пике. Гибель главнокомандующего окончательно решает исход сражения: «Степные узбеки (*т.е. казахи – авт.*) поняли, что разбиты. Оставив палатки и снаряжение, они предпочли спастись бегством ... А осталось степных узбекских воинов всего тридцать тысяч. Они переправились через Джайхун и разрушили за собой понтонный мост» [1, с. 493].

Автор сочинения добавляет, что узбекские султаны, заранее зная об исходе сражения от предсказателя, бежали со своими отрядами еще раньше (так как находились в арьергарде) и тем спаслись от «победоносного кызылбашского войска». Для степняков же поражение оказалось сокрушительным. «Восемьдесят тысяч... были убиты, а еще восемьдесят тысяч ранены», – констатирует источник, и даже учитывая естественную для сочинений такого рода склонность к сильному преувеличению, становится понятно, что поход казахов в Хорасан окончился плачевно: «Когда они увидели голову Абу-л-Хайр-хана на пике, то стали разбежаться в разные стороны, а все имущество, снаряжение, палатки и шатры убитых и разбежавшихся узбекских (*т.е. казахских – авт.*) воинов досталось в качестве трофеев победоносному кызылбашскому войску» [1, с. 493-494].

Мы видим таким образом, что вся тяжесть сражения пала в этот раз именно на степное, казахское войско, оказавшееся вдали от родных степей, в Хорасане, заложником противостояния Шибанидов и Сефевидов.

Казахского предводителя Абу-л-Хайр-хана, сына *Кāсим-хана*, автор сочинения показывает храбрым воином, настоящим батыром и хорошим сыном, мечтающим оправдать надежды отца и привезти ему не только достойные подарки, но и слав, но при этом, однако, излишне самонадеянным, в силу молодого возраста и привычки всегда полагаться на молодеческую удаль и личную храбрость. Вероятно, недооценка противника, какие-то тактические промахи, а также отсутствие должной мотивации у степных джигитов, которым противостояло охваченное религиозным рвением шиитское воинство, послужили главными причинами поражения.

После такого исхода сражения, бежавшие с поля боя Шибаниды, Мухаммад-Тўмур-хан, Убайдаллāх-хан и Джāнїбек-султан устроили совет, на котором Мухаммад-Тўмур-хан сказал, якобы, следующее: «Мы надеялись

на Абу-л-Хайр-хана и степное (*т.е. казахское – авт.*) воинство и говорили, что, может быть, с ними (*т.е. с казахами – авт.*) наше дело и выгорит. Но раз уж Сын Шайха одолел такое войско и убил такого храбреца, как Абу-л-Хайр-хан, то Кāсим-хан не будет больше помогать нам, если мы поедem к нему».

Это означает, что рассчитывать на военную помощь казахов и лично Кāсим-хана, потерявшего в сражении с сефевидской армией на из стороне своих лучших воинов любимого сына, они больше не могли. Собственных же сил для сражения с Сефевидами за Хорасан у них не было, и они должны были смириться с тем, что Хорасан окончательно становится частью иранского государства. Поэтому они пошли на переговоры с Исмā'ўл-шахом, прибегнув к помощи бухарского ходжи 'Абд-ар-Рахима Накшбанди. Посредничество многоуважаемого духовного лица привело к заключению мира между Шибанидами и Сефевидами и тому, что при жизни Исмā'ўл-шаха Шибаниды «...больше не совершали грабительских набегов на Хорасан» [1, с. 498].

Последнее, однако, опровергается самим источником чуть далее по тексту. После поражения Сефевидов от Османов в Чалдаранской битве (1514) и появления в Средней Азии слухов о гибели шаха Исмā'ўла, Шибаниды не только возобновили притязания на Хорасан, но и обращались за военной помощью к казахам: «Между тем известие о Чалдаранской битве (*т.е. о поражении Сефевидской армии от Османов – авт.*) и разные лживые рассказы [о гибели шаха Исмā'ўла] распространились по всему Хорасану и Туркестану. И когда почти все решительно поверили в то, что Его Величество, Тень Бога на земле, действительно убит в том сражении, узбекские султаны опять размечтались о завоевании Хорасана. Джāнўибек-султан взял у правителя (*малик*) Отрара тридцать тысяч человек и выступил в поход на Балх, сообщив об этом 'Убайд-хану в Бухару, и добавил: «Скорее собирайте армию и двигайтесь в эту область!» 'Убайд-хан, отправив гонца к Мухаммад-Тўмур-хану, спросил совета у ходжи 'Абд ар-Рахўма. Ходжа выступил против [похода] (*вероятно, потому, что это нарушало договор о мире, заключенный при его посредничестве! – авт.*) Мухаммад-Тўмур-хан ... отказался прийти [со своим войском]. Тогда 'Убайд-хан взял тридцать тысяч воинов и сам выступил в поход на Балх» [1, с. 548].

Объединив свои войска, Джāнўибек-султан и 'Убайдаллāх-хан попытались захватить крепость Хисār-и Шāдмāн. Против них выступил сефевидский наместник Дўв-султана, войско которого в сражении к стен крепости было разбито. После этой крепости 'Убайдаллāх-хан захватил такие важные города Хорасана, как Герат и Мешхед. И пока шах Исмā'ўл был занят войной с Османской Турцией, узбеки владели Хорасаном. Только через два года Сефевидам удалось восстановить свою власть над Мешхедом и Гератом [1, с. 597-599].

Сообщение анонимного автора об участии в сражении Шибанида Мухаммад-Тўмур-хана позволяет датировать участие казахов в шибанидско-сефевидском противостоянии и гибель Абу-л-Хайр-хана самое позднее началом весны 1514 года, так как по данным исторических сочинений и

шибанидской эпиграфики, Мухаммад-Түмур-хан погиб 17 марта 1514 года в степи Дашт-и Кулак области Хутталан [5, с. 228; 6, s. 16-17]. Учитывая же сообщения о двух переправах через Амударью и строительство понтонного моста на ней, маловероятно, чтобы эти события происходили зимой. Можно предположить, что они имели место осенью 1513 года.

Выше приведенные сведения анонимного персидского сочинения сефевидского круга *‘Алам-ārā-йи Шāх Исмā‘йл* (являющегося одним из многих повторяющих и дополняющих друг друга сочинений о правлении Исмā‘йл-шаха и династии Сефевидов, относящихся к XVI – началу XVIII вв.) представляют интерес для истории Казахского ханства, в разных аспектах. Они любопытны для исследования военно-политической и дипломатической истории Казахского ханства, а также социальной организации и этнопсихологии казахов, и дают представление о том, каким был политико-географический образ Казахской степи в глазах иранцев, современников Казахского ханства. Очень интересно сопоставление сведений источника и с материалами казахского фольклора. Возможно, описываемые в источнике события нашли отражение в казахском эпосе «Кобланды-батыр», главный герой которого – сын Токтарбая Кобланды – воюет не с кем-нибудь, а с кызылбашами [Подробнее см.: 7, 114-121].

Литература

1. *‘Алам-ārā-йи Шāх Исмā‘йл*. Предисловие, комментарий и приложения: Асгар Мунтазар Сахиб. Шираз, 1349/1971. 2-е издание. – Тегеран, 1384/2005.
2. *Хинц В., Давидович Е.А.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – М.: Наука, 1970. – 147 с.
3. *Маширапов Т.Т.* Значение персидских источников в изучении истории Киргизстана XVI-XVII веков. Автореферат кандидатской диссертации. – Ташкент, 1989.–21 с.
4. *Акимушкин О.Ф.* Комментарии / Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О. Ф. Акимушкина. Москва, 1976. – 362 с.
5. *Мукминова Р.Г.* К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века. По материалам «Вақф-наме». – Ташкент, 1966. – С. 228.
6. *Schaibanidische Grabinschriften herausgegeben von Baxtiyor Babadjanov, Ashirbek Muminov, Jurgen Paul.* – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997. – S. 190+30.
7. *Атыгаев Н.А.* Участие казахов в борьбе узбеков с Сефевидским (Кызылбашским) государством в первой половине XVI века // *Отан тарихы*, 2002.–№ 2. – С. 114-121.

Приложение

Миниатюра из рукописи *Та’рїх-и ‘алам-ārā-йи шāх Исмā‘йл* (ИРИ, Исфahan). Художник – Му’їн Мусавїр (XVII век).

Сражение между Абу-л-Хайр-ханом и шахом Исма‘їлом, момент отступления казахов под ударами кызылбашей (они на рисунке в красных шапках) и гибели Абу-л-Хайр-хана. В центре композиции – Абу-л-Хайр-хан и шах Исма‘їл. Атрибуция в сноске неверная, так как имя Абу-л-Хайр-хана написано на полах его одежды.

Надпись на миниатюре:

«Из-под знамени показался Хакан – Владыка Мира. И издал так грозный крик, что тот злоумышленник от страха за свою жизнь потерял свой плетеный щит и, под натиском врага забыв о стрельбе из лука, стал прикрывать голову стальным щитом. Государь налетел сзади и...»

